

НАСЛЕДИЕ КРЕМЛЁВСКИХ
ВОЖДЕЙ

МОЙ СЫН ИОСИФ СТАЛИН

ЕКАТЕРИНА
ДЖУГАШВИЛИ

Наследие кремлевских вождей

Екатерина Джугашвили

Мой сын – Иосиф Сталин

«Алисторус»

2013

Джугашвили Е. Г.

Мой сын – Иосиф Сталин / Е. Г. Джугашвили — «Алисторус», 2013 — (Наследие кремлевских вождей)

Воспоминания матери Сталина впервые на русском языке! Воспоминания представляют собой записи бесед с матерью вождя, сделанные в 1935 году 23, 25 и 27 августа. То есть без малого за два года до ее смерти. Ранее были известны лишь отрывки из этих воспоминаний. Екатерина Геладзе-Джугашвили довольно откровенно и подробно их надиктовывала. Даже исполины когда-то были малышами. Покорив пространство и время, они все равно навсегда остаются детьми для их родителей. А мамин взгляд – это субъективность, возведенная в мистическую истинность бытия.

© Джугашвили Е. Г., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

От автора перевода	5
Предисловие	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Екатерина Джугашвили Мой сын – Иосиф Сталин

От автора перевода

В 1912 году в Тбилиси вышла книжка на грузинском языке: «Воспоминания матери Сталина». В мягкой обложке, небольшая – всего сотня страниц карманного формата с двумя десятками фотографий неважного качества. Издательство: «Бакур Сулакаури Паблишинг». На обложке значилось, что произведение основано на материалах из архива Министерства внутренних дел Грузии. Однако основной массив этих материалов первоначально лежал в архивных фондах, принадлежавших Центральному Комитету Компартии республики и лишь после десоветизации в начале девяностых годов прошлого века был передан в МВД.

Воспоминания представляют собой записи бесед с матерью вождя, сделанные в 1935 году 23, 25 и 27 августа. То есть без малого за два года до ее смерти. Ранее были известны лишь отрывки из этих воспоминаний. Екатерина Геладзе-Джугашвили довольно откровенно и подробно надиктовывала свои воспоминания. Остается надеяться, что стенографисты добросовестно выполняли свою работу. Собственно, в то время по-другому и быть не могло.

В столь полном виде записи публикуются впервые и являются ценным историческим материалом. Это – один из немногих относительно достоверных источников сведений о ранних годах Сталина, о его родителях и некоторых других людях, имевших отношение к его семье.

Почему – относительно достоверных? Разве имеются данные о фальсификации этого документа?

Нет, таких данных не имеется. Но вопрос возник не случайно, и будет возникать впредь. Причем, подобные вопросы задаются не только в связи с материалами, имеющими прямое либо косвенное отношение к Сталину и его эпохе. За истекшие двадцать лет архивное хозяйство Советского Союза претерпело огромные изменения. По сути, многие фонды были разгромлены, перелопачены, страдают изъятиями и вбрасыванием подделок. Это происходило по всей бывшей стране за очень немногими исключениями. Сведения о возмутительных фактах подтасовок не раз становились достоянием гласности. Поэтому все большее число историков скептически или предельно осторожно относятся к материалам, особенно сенсационного толка, всплывающим на поверхность в архивном море, которое стало явно мутноватым.

При переводе текстов пришлось столкнуться со многими трудностями. В основном этнографического характера. Ведь многие реалии дореволюционной жизни Грузии незнакомы современному читателю, особенно русскоязычному. Скупые редакционные сноски не полностью освещали эти реалии. Поэтому сноски понадобилось расширить и дополнить.

Кроме того, я прибег к составлению небольшого глоссария, помещенного в конце книжки. Там дается толкование ряда малоизвестных, архаичных понятий, связанных с национальными особенностями и колоритом, коротко говорится о некоторых столь же малоизвестных исторических лицах. В тексте эти понятия и лица выделены курсивом. То же самое относится к чисто церковным терминам. Слова в глоссарии пронумерованы теми же цифрами, которыми они помечены в тексте. Благодаря шрифтовому выделению, а также тому, что они расположены не по алфавиту, а по порядку изложения, их легко отыскать.

Я сократил предисловие, которое к грузинскому изданию написал профессор политологии Мичиганского и Чикагского университетов Рональд Суни (иногда в русском варианте его имя пишется как Сюни). Он гражданин США армянского происхождения. Сфера научных интересов – советская и постсоветская история, прежде всего Южного Кавказа, исследование межнациональных отношений и вопросов, связанных с конфликтологией. Примечательно, что

его работы вызвали острую критику в кругах некоторых историков и публицистов Армении, которые называли их пасквильными. Они обвинили Суни ни много ни мало в фальсификации истории Армении по заданию правительства США.

Предисловие Р. Суни полно дежурных пропагандистских штампов и отличается невысоким научным уровнем, чтобы не сказать халтурой. Зачастую профессор просто пересказывает мемуары матери Сталина. Причем, почему-то считает, что они были обнаружены случайно, хотя это вовсе не так. Делает он и собственные добавления, некоторые из которых выглядят более, чем сомнительно. В одном месте он характеризует мать Сталина как идеальную грузинку, в другом – отказывает ей в этом. Есть примеры иной путаницы и отсутствия логики. Часть его утверждений вступает в противоречие с тем, что вспоминает мать. Более того, Р.Суни зачастую противоречит самому себе, словно забыв, о чем он писал несколькими абзацами раньше.

Вообще вызывает недоумение, зачем и кому понадобилось обращаться к североамериканскому историку с просьбой написать предисловие, если и в Грузии, и в России имеются гораздо более квалифицированные специалисты в этой области. Видимо, сыграла свою роль общая проамериканская ориентация тогдашних правителей республики, доходившая до крайностей. Они считали, что мы всему должны учиться у западных исследователей. Я позволю себе заметить, что дело обстоит ровно наоборот: это западным исследователям грузинской и общесоветской истории следовало бы прислушиваться к авторитетному мнению наших ученых. Словом, заокеанского профессора пришлось править не только стилистически, но и давать короткие критические комментарии к его рассуждениям.

Тем не менее, хотя бы пробежать предисловие стоит. Это даст возможность почувствовать и понять специфические подходы к нашему прошлому, к хорошо известным нам историческим событиям тех, кто изначально был заражен антисталинизмом, от него эволюционировал к антисоветизму, а затем перешел к антирусизму. Практически все они отдают дань отжившим рецидивам холодной войны. Следовательно, не всегда адекватно воспринимают фактологию этого прошлого, тенденциозно судят о событиях и свидетельствах очевидцев.

В то же время Р.Суни вынужден был не раз констатировать бесспорные вещи. В частности, несомненную одаренность, проявившуюся у ребенка, затем у подростка и, наконец, у юноши, вышедшего из простонародья и избравшего определенный жизненный путь, чтобы исполнить миссию, возложенную на него будущей судьбой.

Появление же самой книжки есть отражение незатухающего интереса к личности Иосифа Виссарионовича Сталина, к мельчайшим деталям его биографии. Можно даже говорить о возрастании этого интереса во всех уголках бывшего Советского Союза и за рубежом.

Так же, как и в России, никакие усилия антисталинской пропаганды в Грузии не возымели желаемого результата. Поэтому книжка, изданная малым тиражом (и напечатанная, кстати, в Турции), была положительно встречена грузинской общественностью. Большинство наших читателей, оставляя за скобками поверхностные рассуждения североамериканского профессора, погрязшего в примитивном антиисторизме, с интересом знакомились с бесхитростным и честным повествованием обычной женщины-матери, подарившей миру необычного сына. Думаю, ее рассказ будет интересен и для российского читателя. Даже независимо от степени его достоверности.

Напоследок отмечу, что в октябре 1935-го Сталин в последний раз виделся с матерью. Хотелось бы сослаться на рассказ журналиста Бориса Дорофеева, который писал в газете «Правда»:

«Мы пришли в гости к матери Иосифа Виссарионовича Сталина. Три дня назад – 17 октября – здесь был Сталин. Сын. 75-летняя мать приветлива, бодра. Она рассказывает нам о незабываемых минутах.

– Радость? – говорит она. – Какую радость испытала я, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна испытать я – мать?

Мы садимся в просторной светлой комнате, посередине которой круглый стол, покрытый белой скатертью. Букет цветов. Диван, кровать, стулья, над кроватью портрет сына. Вот он с Лениным, вот молодой, вот в кабинете...

– Пришел неожиданно, не предупредив. Открылась дверь, вот эта, и вошел. Я вижу – он. Он долго целовал меня...»¹

На этой встрече с московскими журналистами мать назвала Сталина «примерным сыном», хотя он так и не воплотил ее мечту. Из публикуемых ниже воспоминаний (об этом говорится и в предисловии) читатель узнает, что она желала видеть в сыне священника, рисовала его в своем воображении епископом. Во время последнего визита сына к ней она тихо сказала ему: «А жаль, что ты так и не стал священником»².

Кем же он стал? История пока так и не вынесла окончательного вердикта этой исполинской фигуре, которая не уместается в привычные летописные рамки. Ее оценки будут меняться. Все и вся будет меняться. Однако глубинный смысл публикуемого рассказа о детстве и юношестве Сталина мне видится в неизменном:

Даже исполины когда-то были малышами. Покорив пространство и время, они все равно навсегда остаются ребенком для их мамы. А мамин взгляд – это субъективность, возведенная в мистическую истинность бытия.

*Вилли Гогия, историк,
журналист, востоковед*

¹ Газета «Правда», 23 октября, 1935 г.

² С.Аллилуева, «Двадцать писем к другу», М., Советский писатель, 1990.

Предисловие

После развала СССР и восстановления государственной независимости Грузии для исследователей наконец стали доступны воспоминания матери Сталина, записанные с ее слов. Эти воспоминания более 70 лет хранились в архиве ЦК Компартии Грузии. Благодаря этому необычному и неожиданно обнаруженному источнику биографы Сталина смогли дополнить и уточнить информацию, которая ранее была известна из других, менее достоверных источников.

Автор воспоминаний рассказывает о единственном из оставшихся в живых ее сыновей с большой любовью, а о его непутевом отце – своем муже – вспоминает с досадой. Воспоминания с убедительной простотой раскрывают картины ее тяжелого детства и тягостной жизни после замужества. Раскрывают упорство, с которым она пыталась уберечь сына от многочисленных детских болезней, ее неукротимое желание дать сыну духовное образование. Этот уникальный, необычайно волнующий рассказ, доступный теперь широкому кругу исследователей, дает возможность глубоко анализировать становление характера, личности Иосифа Джугашвили – Сталина.

Кетеван (Екатерина) Геладзе, которую близкие называли уменьшительно Кеке, родилась между 1856 и 1860 годами. Ее родители – отец Глаха и мать Мелания – были крепостными помещика Амилахвари, который отличался несносным отношением к крестьянам. Это стало причиной бегства семьи из деревни Свенети в поселок Гамбареули близ городка Гори³.

Место было холодным, заболоченным, непригодным для жилья. Но для Глаха, занимавшегося гончарным делом, было на руку наличие здесь подходящей глины. Кеке беспокоили головные боли, ее часто лихорадило. Вскоре отец умер и ее матери пришлось одной растить дочь и двух сыновей – Гио (Георгия) и Сандала (Сандро). Трудолюбивые сыновья стали кормильцами семьи. Сандро занялся обжигом кирпича, Георгий пошел по стопам отца – стал гончаром. Он же работал садовником у местного богатого армянина Гамбарова.

В шестидесятых годах XIX века после отмены крепостного права семья переселилась в Гори. Дальний родственник Матэ Нариашвили выделил ей небольшой земельный участок. На нем братья с помощью соседей поставили добротную избу. В этой части города, называвшейся из-за расположенных здесь армейских казарм Русской слободой, жили преимущественно бедняки. Среди их жилищ, а это обычно были убогие землянки, изба Геладзе выгодно отличалась: имела окна, к ней примыкал крохотный, но свой, возделываемый клочок земли.

На новом месте Кеке выздоровела, стала приметной девицей. Мать обучила своих детей грамоте. В ту пору среди грузинских женщин мало кто умел читать и писать, но Кеке сызмальства была привита любовь к учению⁴. Позже она передаст эту любовь своему сыну.

Шло время. В доме появились сваты. Привлекательную, стройную, большеглазую девушку познакомили с симпатичным молодым человеком по имени Бесо (Виссарион) Джугашвили. Старшему брату Гио сразу приглянулся будущий зять и он посоветовал сестре выйти за того замуж. Сначала Кеке расплакалась, хотя внутренне была рада, что Бесо, который очень нравился многим горийским девушкам, остановил на ней свой выбор.

³ Гамбареули в разных источниках называют по-разному: поселком, деревней и даже пригородом Гори. (Прим. перев.)

⁴ Конечно, неграмотность была бичом царской империи, свыше 70 процентов населения которой не умело читать и писать. В некоторых местах неграмотность была чуть ли не поголовной. Однако по регионам эта цифра менялась. Грузия в данном отношении традиционно являлась относительно благополучным краем. Здесь уровень грамотности доходил до 60 и более процентов. В Тифлисской губернии в конце XIX столетия почти треть городских женщин владела чтением-письмом. Правда, в сельской местности этот показатель был гораздо ниже. (Прим. перев.)

17 мая 1874 года Бесо и семнадцатилетняя Кеке обвенчались. Сыграли многолюдную, традиционную для *карачохели* (1) грузинскую свадьбу⁵. Шаферами молодых были их друзья – Якоб Эгнаташвили и Миха Цихитатришвили.

Чета Джугашвили поселилась в Русской слободе, сняв комнату в домике близ средневековой горийской крепости. Бесо трудился небезуспешно. Он стал одним из лучших сапожников города. Покинул мастерскую своего армянского работодателя Арона Барсамова и открыл собственную мастерскую⁶. Дело шло в гору. Бесо нанял подмастерьев. В доме царили достаток и полное благополучие⁷.

Когда на свет появился первенец – Миша, – радости молодого отца не было границ. К сожалению, через пару недель младенец умер. Бесо запил. Через два года родился и умер второй мальчик. Бесо был безутешен. Он дал обет: принести в жертву овцу, если третий ребенок останется жив. Для Бесо, как и для многих грузин и армян, исповедующих христианство, вера в бога связана со многими языческими обрядами, к которым, в частности, относится заклание жертвенного животного, а также ритуалы, связанные с так называемым древом желания⁸.

В декабре 1978 года у супругов Джугашвили на пятом году их совместной жизни родился третий сын – Иосиф⁹. (Грузинское произношение – Иосеб. Его по обычаю звали сокращенно-ласкательно Сосо; ударение разноместное. – В.Г.).

Его рождения семья ожидала с большим волнением. Боясь потерять ребенка, решили поскорее крестить его. Но при этом поменяли крестного. Первых двух сыновей крестил упоминаящийся Якоб Эгнаташвили. Теперь выбор остановился на близком друге семьи – Михе Цихитатришвили. На шею внука бабушка повесила оберег и напомнила его отцу об обете.

...Сосо рос худым, слабым, часто болел. Когда Кеке не было дома, ребенка кормила грудью жена крестного Мариам. Подросший мальчик не любил мясной еды, обожал фасоль в любом виде. Его первым словом было «дундала». Так он называл все блестящие предметы. (Вообще-то, в воспоминаниях матери Сталина нигде не говорится, что это было именно первое его слово. – В.Г.)

Во время очередной хвори Сосо вдруг потерял дар речи. Родители решили снова устроить жертвоприношение и совершить паломничество в церковь Святого Георгия. Спустя какое-то время болезнь отступила.

Сосо с детства был впечатлительным ребенком. Завидев подвыпившего Бесо, со страхом прижимался к матери и просил ее укрыться вместе с ним у соседей, пока отец не утихомирится.

⁵ А.Островский, «Кто стоял за спиной Сталина», М., Олма-пресс, Спб., Нева, 2002; В.Каминский, И.Верецагин (составители), «Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы», «Молодая гвардия», №12, 1939 г.; Иосиф Гришашвили, «Литературная богема старого Тбилиси», Тбилиси, Мерани, 1977.

⁶ Мария (Машо) Кирилловна Абрамидзе-Цихитатришвили – уроженка Гори, входящая в дом Геладзе. Написала «Воспоминания о семье Виссариона Джугашвили», ныне хранящиеся в архиве МВД Республики Грузия, ф. 8, о. 2, т. 1, д. 1.

⁷ А.Островский, «Кто стоял за спиной Сталина», М., Олма-пресс, Спб., Нева, 2002; Давид Гаситашвили, «Воспоминания», архив МВД Республики Грузия, ф. 8, о. 2, т. 1, д. 8.

⁸ Рональд Суни совершенно зря связывает такое заклание только с грузинскими и армянскими христианами. Подобная обрядность была характерна также для болгар, молдаван, сербов. Жертвенный убой скота остался в практике очень многих или даже большинства представителей всех монотеистических религий, доминирующих в современном мире и уходит корнями в языческие времена. Что касается так называемого древа желания, то культ деревьев был характерен для многих народов. На Кавказе он кое-где сохранился до наших дней. К веткам дерева порой привязывают записки с молитвами, просьбами. Кстати, заклание овцы или телят, приносимых в жертву богу, часто производилось именно у подножия священного дерева, почитаемого как источник целительной, животворящей силы. (Прим. перев.)

⁹ Согласно официальной версии И.В.Сталин родился 21 декабря (9 декабря по старому стилю) 1979 г. В последнее время все чаще говорят о том, что настоящей датой его рождения является 18 декабря (6 декабря по старому стилю) 1878 г. Ссылаются на обнаруженную запись в церковной книге, на др. документы. Неразбериха с датой рождения была типична для неимущих слоев царской империи. Огромное количество бедняков никогда не знало своего возраста точно. Записи в церковных книгах тоже не всегда грамотно велись, а иногда вообще отсутствовали. Нередко ошибались и светские делопроизводители. Но главное другое. Имеет ли установление подлинного дня рождения Сталина мало-мальски существенное политическое значение? Нет. Интересно ли это с бытовой точки зрения? Да. Из данного обстоятельства и следует исходить при обсуждении сего вопроса, вокруг которого нагромождено множество конспирологических версий. (Прим. перев.)

Постепенно Сосо стал предпочитать уединение, сторонился сверстников. Даже любимая игра в «Арсена» (2) уже не привлекала его, как раньше. Одновременно, желая побольше узнать о народных героях, он стал просить научить его грамоте.

Жизнь грузинского общества подчинялась определенным правилам. Оно отличалось чрезмерным, помпезным гостеприимством и застольем. (Это больше относилось к верхним, дворянским слоям общества и к мелкобуржуазно-обывательской среде. – В.Г.)

На этом фоне Джугашвили жили скромно. В их ежедневный рацион входили фасоль, отварной картофель, мясо с баклажанами или другими овощами, традиционный лаваш. Большинство жителей Гори владели за городом фруктовыми садами, виноградниками. Однако нет никаких свидетельств, что семья Джугашвили тоже имела подобное сельхозугодье.

Бесо одевался всегда опрятно, но скромно. Верхняя одежда – как правило, *чоха* (3). На голове – как правило, картуз. (Его называли русской шапкой. – В.Г.) Кеке носила традиционное грузинское платье, приталенное, с длинными рукавами. Головной убор представлял собой *чихти-кони* (4), к которому крепился изящно повязанный шелковый платок. Ее знакомые подчеркивали, что Кеке своей скромностью, природной грациозностью и вежливостью являла собой идеал грузинской женщины.

Ранее считалось, что носителями идеальных черт могут-де быть только дамы высшего света. Однако в девятнадцатом веке наступила пора, когда стали «мириться» с мыслью, что чертами общенационального идеала обладают представители разных слоев общества. Грузинская женщина должна была быть стройной, пассивной с сексуальной точки зрения, обязательно девственницей до замужества, всегда готовой радушно встретить гостей в идеально прибранном доме. В грузинском обществе самой важной функцией женщины считалось воспитание детей. В своем известном стихотворении «Мать-Грузия» живой литературный классик и духовный отец нации того времени Илья Чавчавадзе отмечал: воспитание детей является божественным долгом матери.

Сталин с уважением относился к идеалу грузинской женщины и почитал скромность ее главным украшением. Его дочь Светлана Аллилуева в своей книге «Двадцать писем к другу» вспоминала, как часто ей приходилось спорить с отцом на эту тему. Однажды Сталин сильно осерчал, когда на фотографии, подаренной ему дочерью, он увидел ее не просто улыбающейся, а делающей это вызывающим образом.

«У тебя дерзкое выражение лица, – написал он ей. – Раньше женщины были более скромными, и это им очень подходило...»¹⁰.

Со временем Бесо все чаще выпивал. У него вошло в привычку отмечать выпивкой каждую новую пару сшитой им обуви. Он забросил работу в своей мастерской. Переехал в Тбилиси, который пока еще назывался Тифлисом. Поступил на обувную фабрику Адельханова. Сосо было тогда пять лет.

«Пролетаризацию» Бесо можно считать шагом вниз по ступеням социальной лестницы, но, вероятно, в Тбилиси его заработок был больше и стабильнее. Мелкие ремесленники не могли конкурировать с механизированными производствами. Кроме того, Бесо нравилась его новая работа. Несмотря на противодействие жены он настаивал на обучении сына профессии обувщика.

Кеке же была уверена, что Бесо потерял прежнюю сноровку и сын ему нужен в качестве верного помощника. Некоторое время Сосо поработал на фабрике рядом с отцом. Но шестилетний мальчуган заболел корью и чуть не отдал богу душу. Эта напасть стоила жизни многим

¹⁰ Поскольку бежавшая на Запад С. Аллилуева впоследствии предала отца не только с моральной, но и с политической точки зрения, можно только подивиться проницательности Сталина, давно почувствовавшего неладное в поведении дочери. Наряду с этим замечу, что, зная биографию С. Аллилуевой, историкам следовало бы весьма критически относиться ко многим изложенным ею фактам. А учитывая возню западных спецслужб вокруг ее мемуаров и ее персоны как таковой, можно задаться вопросом: каково соотношение в книге написанного ею и написанного или продиктованного спецслужбистами? (Прим. перев.)

детям на Кавказе. У Якоба Эгнаташвили трое детей умерли от кори в один день. Бесо и кеке сильно тревожились из-за болезни сына, у которого три дня держалась очень высокая температура. Он бредил, требовал к себе на расправу, наставшего на него недуг *Кучатнели* (5).

Бабушка обернула *мутаку* (6) одеялом и сказала, что внутри прикорнул негодяй Кучатнели. Сосо с криком «вот тебе!» стал топтать «виновника» болезни. Потом затих и уснул. На четвертый день появилась красная сыпь. Через десять дней стали отпадать засохшие сыпные корочки. Пусть небольшие, но следы от этого остались, как от мелких оспинок, на всю жизнь.

Сосо подрастал, становился независимым, порой непослушным. Бывало, мать позовет его, но он, не желая идти домой, не откликнулся и продолжал играть¹¹. Своего сына родители любили по своему, неодинаково. Забота о его будущем явилась причиной глубокой распри между ними. Как вспоминали Иремашвили и другие, Сосо всегда был на стороне матери¹². Отец несколько раз пытался увезти сына в Тбилиси. Он полагал, что у того имеются задатки высококлассного мастера, что в будущем Сосо станет гордостью *амкарства* (7) сапожников.

Кеке для разрешения спора привлекала родственников, друзей, а в дальнейшем и преподавателей духовного училища. Наконец Бесо сдался и отказался от идеи забрать сына с собой. Но посчитав себя обиженным, даже оскорбленным, полностью поручил сына заботам матери. Ее решение сделать сына священнослужителем совпадало с планами мальчика. (Откуда это известно североамериканскому профессору, разве Сталин когда-нибудь заикался о подобном, как вообще мог строить такие планы малыш, не достигший даже отрочества и в сущности имевший по сословным причинам очень мало шансов для осуществления материнской мечты? Вопросы без ответа. – В.Г.).

Чтобы быть подальше от мужа-пьяницы, Кеке с сыном ушла жить к братьям. Бесо дважды пытался примириться с ней, но Кеке была непреклонна, хотя братья и Эгнаташвили старались принудить ее к уступкам¹³. Гио открыто обвинял ее в развале семьи, утверждал, что в сапожничестве нет ничего зазорного, что позор всей фамилии, а не только жене – остаться без мужа при живом муже. Целую неделю брат не разговаривал с сестрой. Кеке обладала твердым характером и стояла на своем: она даст сыну духовное образование, а муж мешает этому.

Процесс распада семьи Джугашвили длился долго. Неприятные инциденты происходили и в годы отрочества Сосо. Его отец и мать стали чужими друг другу. Иногда Бесо присылал деньги для сына, делал другие попытки вернуться домой. Но фактически связь между ним и сыном прервалась задолго до того, как он окончательно решил покинуть семью. Это случилось приблизительно в 1890 году, когда Сосо было одиннадцать лет.

Так как братья были против развода, Кеке ушла от них и поселилась на втором этаже дома знакомого священника Христофора Чарквиани. Примерно в это же время семилетний Сосо стал упрашивать мать обучить его грамоте. Мать и бабушка всегда мечтали о том, чтобы он получил духовное образование. Они благоговейно внимали звону колоколов, которым в Гори встречали приезжавших из Тбилиси епископов. Отец же считал учебу постыдным делом. Пустой тратой времени, отдавал предпочтение овладению полезным ремеслом.

Кеке обратилась с просьбой к детям Чарквиани, которые очень любили маленького Сосо, чтобы они научили его читать-писать. Те охотно взялись за дело. Бесо тогда еще находился

¹¹ Мария (Машо) Кирилловна Абрамидзе-Цихитатришвили, «Воспоминания о семье Виссариона Джугашвили», архив МВД Республики Грузия, ф. 8, о. 2, т. 1, д. 1.

¹² Тезка и одноклассник Сталина Иосиф Иремашвили (1878-1944) учился с ним сначала в Горьком духовном училище, а затем в Тифлисской духовной семинарии. Тоже вступил в РСДРП, но стал меньшевиком. Был арестован в 1922 г. и выслан из страны. Получил политическое убежище в Германии, где позже сблизился с нацистами. В Берлине выпустил книгу «Сталин и трагедия Грузии». Она ценится среди западных историков, которые считают ее неопровержимым свидетельством очевидца. Объективность Иремашвили ущербна уже по той причине, что его явно ангажированные мемуары написаны с нескрываемых и ярких антикоммунистических, антисоветских, антисталинских позиций. Многие его клеветнические измышления давно опровергнуты. (Прим. перев.)

¹³ А.Островский, «Кто стоял за спиной Сталина», М., Олма-пресс, Спб., Нева, 2002, стр. 103-105.

в Гори, поэтому братья Чарквиани занимались с Сосо, когда его отец уходил на работу. Но вскоре эта тайна открылась и Бесо силой увел мальчика в обувную мастерскую. Мать пришла на помощь сыну незамедлительно, и занятия возобновились.

Сосо оказался способным и прилежным учеником. Грузинский букварь, на изучение которого отводился обычно целый год, он освоил за неделю. В перерыве между занятиями Сосо частенько играл в куклы с младшей дочерью священника. Годы спустя, когда он был уже в третьем классе Горийского духовного училища его приятель Г.Элисабедашвили (фамилия пишется также, как Елисабедашвили. – В.Г.) с улыбкой напоминал ему о его влюбленности в дочку Чарквиани¹⁴.

Для пополнения семейного бюджета Кеке собиралась заняться выпечкой или шитьем. Но муж запрещал жене работать вне дома. Семейство священника Чарквиани всячески помогало ей. Мариам – супруга Якоба Эгнаташвили регулярно посылала ей корзину со съестным.

Горийское училище давало начальное духовное образование, но и при этом туда принимали только детей священнослужителей. Чтобы Сосо допустили к экзаменам, Христофор Чарквиани пошел на подлог. Он объявил Бесо Джугашвили своим *дьяконом* (8). Сосо блестяще прошел вступительные испытания. Этот факт, а также то, что по возрасту он был старше остальных первоклашек, его сразу зачислили в средний класс. На дворе стоял 1988 год.

Оставшись одна, Кеке все-таки занялась шитьем. Одно время работала в доме сверстника Сосо – префекта полиции Дамиана Даврищева. Ректор училища Беляев посылал ей белье для стирки и хорошо платил. Когда в Гори две сестры Дареджан и Лиза Кулиджановы открыли швейную мастерскую, Кеке нанялась к ним. Следующие семнадцать лет она, помимо прочего, неизменно занималась пошивом женских платьев. Она для того времени была неординарной личностью уже хотя бы потому, что ее не страшила жизнь без мужа.

Скромная и глубоко верующая, она без устали заботилась о благополучии сына. Светлана Аллилуева вспоминала, что ее отец очень любил свою мать и уважительно относился к ней. В книге «Двадцать писем к другу» она говорит следующее:

Бабушка была верующей и мечтала о поприще священнослужителя для сына. Эту мечту она пронесла через всю жизнь и когда отец незадолго до смерти навестил ее, с горечью вздохнула, что тот так и не стал священником. Отец часто повторял эти ее слова. Он много раз вспоминал свою мать.

Сталин считал свою малообразованную мать разумной и волевой. Когда она скончалась в 1937-м в возрасте примерно 80 лет, он по воспоминаниям С.Аллилуевой, очень сильно переживал.

...Заработок от шитья позволял Кеке более или менее хорошо одевать сына. У него были добротная обувь, шерстяное пальто, теплая зимняя шапка, связанная матерью. Спал Сосо на тахте. А когда тахта стала ему маленькой, мать самостоятельно переделала и удлинила ее.

Зажиточным и комфортным их существование, конечно, не было. Преподаватели училища периодически посещали учащихся на дому. Однажды они явились к Джугашвили в дождливую погоду и обнаружили, что с потолка текла вода, отчего мать и сын ютились в углу комнаты¹⁵.

Хотя мать Сосо не полностью соответствовала идеалу грузинской жены, она была сильной и принципиальной женщиной. А вот отец Сосо никак не походил на образ настоящего

¹⁴ Г.Элисабедашвили, «Воспоминания», Дом-музей И.В.Сталина в Гори, ф. 3, т. 1, д. 1955-146.

¹⁵ Факт приводится по «Воспоминаниям о Сталине тов. С.Гогличидзе». Преподаватель Семен Гогличидзе хорошо знал юного Сосо Джугашвили. Его мемуарная запись вместе с воспоминаниями ряда других людей из окружения Сталина находилась в архиве Тбилисского филиала ИМЭЛ: Института Маркса – Энгельса – Ленина (впоследствии Институт марксизма-ленинизма) при ЦК КПСС. Где она хранится в настоящее время, неизвестно. Выдержки из нее появлялись в газетах и в книгах. Следует добавить, что на самом деле Семен – это русифицированное грузинское имя Симон. Причем в восточной Грузии, где располагается Гори, имя произносилось как Свимон. Поэтому далее – в рассказах матери Сталина – она называет Гогличидзе именно Свимоном. (Прим. перев.)

грузина. У него в семье не было должного авторитета, он мало зарабатывал, часто выпивал – одним словом, типичный неудачник.

Биографы Сталина много пишут о том, что его патологии берут начало от тех побоев, которые маленькому Сосо доставались в детстве, хотя Кеке в своих воспоминаниях на это не ссылается. Был даже случай, когда Сосо, возмущенный поведением отца, швырнул в него ножом. Зато, сообщает Кеке, Сосо переживал, но переносил оскорбления со стороны матери. Сосо рос в семье, где традиционный, патриархальный авторитет отца был разрушен неподчинением матери главе семейства. Такая подмена ролей, безусловно, повлияла на маленького Сосо. (Североамериканцу, да и другим спекулянтам от исторической науки очень хочется, чтобы у Сталина были патологии, чтобы он по-техасски метал ножи, коль скоро не мог палить из кольта. Оставим их в этом заблуждении, которое так тешит профессорскую душу. Тем паче, что Р.Сунни спохватывается и далее скороговоркой признает: невозможно, дескать, установить, что было причиной патологий – побои отца или просто неприязнь к нему со стороны сына за пьянство? Правда, сам Сталин совершенно иначе отзывался о своих родителях и семейных взаимоотношениях. Но, по мнению горе-исследователей, ему верить нельзя, а сплетникам, завистникам и ненавистникам – можно. – В.Г.)

Религия, конкретно православие, играла большую роль в детстве Сосо. Мечта его матери увидеть сына священником никогда не покидала ее. Когда однажды С.Гогличидзе предложил перевести Сосо из духовного училища в педагогическое учебное заведение, что давало возможность продолжить затем учебу в университете, Кеке наотрез отказалась¹⁶.

Подшло время окончания Горийского училища. В ту пору из-за волнений в Тбилисской духовной семинарии было принято решение: к вступительным экзаменам допускать только сыновей священников. Это обстоятельство встревожило Сосо, но мать обнадежила его. Она запаслась отличными характеристиками и рекомендациями и вместе с сыном отправилась в Тбилиси.

Этот большой губернский город сильно отличался от тихого провинциального Гори, где почти все жители знали друг друга. Успешные горийцы переживали за неудачливых. О сиротах заботились, как о своих детях. Никто не оставался голодным. Заботу о ритуальных похоронных хлопотах несли не только родственники умершего, но и соседи. Деньги на поминки и на иную помощь собирали всем миром.

В Тбилиси каждый приезжий должен был сам заботиться о себе. Самостоятельно найти ночлег, обзавестись знакомыми – через это проходили все прибывавшие сюда. На Кавказе родственные и дружеские связи всегда были залогом успеха. Официальные законы имели второстепенное значение, существенную роль играли деньги.

Тбилисское общество состояло из многих этнических и социальных слоев. На верхних ступенях социальной лестницы, которую возглавлял наместник царя, он же генерал-губернатор, располагались высшие русские чиновники. Рядом с ним находились высокородные грузинские аристократы. Кроме русских и грузинских князей, богатейшими людьми города были армянские магнаты, которые строили большие доходные дома, покровительствовали больницам. Конкуренцию многочисленным армянским торговцам составляли не менее многочисленные *кинто* (9).

На улицах Тбилиси грузинский язык перемешивался с русским, армянским, азербайджанским. Английский путешественник Джеймс Брайс задолго до появления в Тбилиси Сосо был очарован экзотическим разнообразием, шумной и кипучей жизнью этого города.

В своей работе «Закавказье и Арарат: заметки о путешествии в 1876 году» он писал, что в Тбилиси наибольшее впечатление на приезжего оказывали не достопримечательности, а город в целом, представлявший собой конгломерат языков, национальностей, религий и обычаев.

¹⁶ Там же.

Характер его определялся тем, что это был не один, а совокупное множество характеров. Тут бок о бок жили разные народы. Они трудились, продавали, покупали, хотя старались близко не соприкасаться. Они не любили, но и не ненавидели друг друга¹⁷.

На низших ступенях социальной лестницы стояли ремесленники и рабочие. Это были бывшие крестьяне, которые перебрались сюда из деревень в поисках лучшей доли. Бурно развивавшийся город предоставлял им работу на заводах, фабриках, в сфере торговли.

Летом 1894 года Кеке и пятнадцатилетний Сосо прибыли в Тбилиси. Кеке вспоминает, что, как только поезд приблизился к городу, сын расплакался. На него напал страх встречи с отцом и возможного насильственного привлечения к работе на обувной фабрике. Сквозь слезы он промолвил: мне лучше умереть, чем стать сапожником.

Кеке тоже боялась возможной встречи. Она собиралась в случае такого оборота дел поднять крик и позвать полицию. Но все обошлось.

К Тбилиси они подъехали утром. Сосо был очарован городом. У Кеке не было достаточно денег для найма жилья. Беспокоить родственников она не решилась. Комната нашлась в одном из старых районов Тбилиси. Хозяйка, молодая армянка, была одна, так как все ее домочадцы временно отбыли в деревню. Кеке с ней быстро подружилась. Хозяйка была рада неожиданным постояльцам и считала, что квартиранты принесли ей счастье, ибо вскоре она вышла замуж. После этого она на радостях отказалась взимать плату за проживание и даже подарила матери Сосо красивую шаль.

¹⁷ James Bryce, «Transcaucasia and Ararat: Notes of a vacation tour in 1876», 3-rd edition, London, Macmillan and Co, 1878. Добавлю, что выпускник Оксфорда и Гейдельберга виконт Джеймс Брайс (он же Брюс) прожил долгую жизнь: родился в 1838 г., скончался в 1922 г. С научной и дипломатической целью совершил ряд путешествий по Старому и Новому Свету. Автор исторических, политологических и юридических трудов. Известен также как крупный английский государственный деятель. Работал послом Великобритании в Соединенных Штатах. Входил в состав правительства, был заместителем министра иностранных дел. Уделял большое внимание британской политике на Кавказе. Через некоторое время после своей памятной поездки туда основал Англо-армянское общество. Занимался вопросами спасения армян во время их геноцида в Османской империи в период Первой мировой войны. (Прим. перев.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.